

АНДРЕЙ
←—————◆—————→
КУЗЕЧКИН

СВИНГ
СТРАННОГО
ЧЕЛОВЕКА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К89

Художественное оформление серии *Сергея Власова*

К89 **Кузечкин, Андрей.**
Свинг странного человека / Андрей Кузечкин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Андрей Кузечкин. Молодежная проза).

ISBN 978-5-04-089339-3

По России колесит компания молодых людей во главе с гуру пикапа Лас Келласом, выдающим себя за «тренера личностного роста», а за ней гоняется банда феминисток – по совместительству художниц-акционисток. Их цель – убийство, которое должно стать перформансом: «Лас Келлас должен умереть!» Читателя ждет увлекательный квест: на молодежных бизнес-форумах, в антикафе, дома и в дороге персонажей ждут неожиданные приключения, забавные и странные ситуации, а в результате окажется, что почти все герои не те, за кого себя выдают. Скучно не будет!

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-089339-3

© Кузечкин А., 2017
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Рельсы шли через весь зал. Мрачный полутемный зал со стенами из красного кирпича. На рельсах стояла старая детская коляска. Пол по обе стороны от рельсов был усыпан шинелями, лежавшими плотным ковром — из-за этого зал напоминал поле боя. На некоторых шинелях лежали большие камни.

«Инсталляция S. T», — информировала табличка на стене.

Вдоль инсталляции бродил плотный тридцатилетний мужчина, носивший дорогие джинсы и кроссовки, майку без рукавов, нездешний загар и легкую улыбку, которая, по всей видимости, была естественным состоянием его лица. Иногда останавливался, нагибался, чтобы поближе рассмотреть камень или шинель.

На шинелях не было никаких знаков различия — ничем, кроме запаха нафталина, поделиться они не могли. Камни тоже были самыми обычными, вроде тех, которыми украшают палисадники.

Периодически посетитель бросал взгляд в сторону коляски, но и она не могла сообщить ему ничего интересного.

— Это что за ерунда? — раздался сердитый голос за спиной у мужчины. Тот обернулся, успев удивиться, что его собственные мысли начали звучать отдельно от него.

— Это инсталляция S. T. Переводится как «Без названия», — во втором голосе звучали снисхождение и бесконечное терпение, как у добросовестной мамы, привыкшей по сто раз отвечать на глупые вопросы своего чада.

— Это я прочитал. Я спрашиваю: что это за ерунда? — с паузой после каждого слова повторил обывательского вида немолодой мужчина в скучном учительском пиджаке.

Вместо ответа невысокий, чуть смуглый смотритель в синей форменной тужурке приподнял левую бровь и пожал плечами: мол, чего вы от меня хотите?

Обыватель не сдавался:

— Куда дальше?

— Куда хотите. Есть еще одна выставка на втором этаже, но туда надо отдельный билет покупать...

— То есть это все?

— Да, это все, — спокойно ответил смотритель.

— То есть я заплатил за камни и тряпки?

— Вообще-то перед вами произведение искусства, созданное знаменитым итальянским художником Янисом Куннелисом. Посмотрите еще раз, внимательно, попробуйте поймать атмосферу, настроение... Подумайте, что хотел сказать автор.

Смотритель пытался говорить вежливо, хотя слышно было — издевается. Лицо его при этом сохраняло выражение то ли грубоватого равно-

душия, то ли плохо скрытого презрения. Глядел он при этом в сторону.

Посетителю все это не понравилось:

— Я не знаю никакого Кун... — он запнулся. — Верните мне деньги за билет!

— Это не ко мне, это в кассу, — смотритель мотнул головой в сторону выхода из зала.

— Любезный, вы чего шумите? — Мужчина в безрукавке тронул немолодого посетителя за плечо. — Вас кто заставлял покупать этот билет?

— Точно не я! — добавил смотритель.

— Это центр современного искусства, вы что надеялись здесь найти? — продолжал мужчина. — Мону Лизу? Так она в Лувре осталась!

Его улыбка и приятный, слегка рокошущий голос вкупе с неожиданностью полностью обезоружили посетителя.

— Я? Да я просто... отдыхать приехал. Город посмотреть, — растерянно ответил он. — Вот, решил заглянуть, что тут за музей такой.

— И заглянули. То есть программу-минимум выполнили! В честь чего скандал? Вы посмотрите, какое красивое здание! Какая архитектура! А современное искусство... ну, не понимаете вы его — я тоже не понимаю. И что теперь?

— Да никакого скандала... просто... — немолодой посетитель досадливо махнул рукой и, не найдя, что добавить к этому, поспешил к выходу.

Проводив его взглядом, мужчина обернулся к смотрителю и подмигнул ему.

— Я бы и сам справился, — сказал тот. — У меня таких по пятнадцать на дню. Кстати, привет, Сергей... или, правильнее сказать, Лас?

— Привет, Матвей. Смотрю: ты или не ты...

Крепкое рукопожатие.

— Ты чего тут делаешь, а? — спросил Лас.

— Работаю. Смотрителем.

— Я вижу. Я не в том смысле. Ты что тут вообще делаешь? Смотритель — это работа для студентов и бабулек на пенсии. Тебе сколько лет?

— Столько же, сколько и тебе...

— Это риторический вопрос, брат!

— Мне здесь нравится, — словно бы нехотя проговорил смотритель, — здесь спокойно. А ты чем занимаешься? Своей пикаперской фигурой?

— Два раза ошибся. Во-первых, это не пикап. Во-вторых, не фигня. Но я рад, что ты хотя бы примерно представляешь, чем я занимаюсь.

— Как же не представлять, если твоя рожа везде была: и по телевизору, и в Сети. Всюду, куда ни ткнешь: Лас Келлас, Лас Келлас. Я даже твою книгу купил, — сказал смотритель, — когда она только вышла. То есть пять лет назад. А потом ты исчез куда-то.

— Ты и про это знаешь?

— Конечно. Целый переполох был: пропал известный тренер по соблазнению! В одной газетенке читал, что ты уехал в Индию постигать духовные практики. А в другой — что ты женился и тихо детей растишь...

— Ага, а потом про меня все забыли. Ты лучше скажи: книга-то помогла?

— Чему?

— Не чему, а кому. Тебе.

— Не особо.

— Почему?

— Да тот же бред, что и у всех остальных пикаперов... ой, прости, «соблазнитель». Вы

почему-то думаете, что если подходить к незнакомым девушкам и нести всякую ересь, то это что-то даст. Ты сам-то это пробовал?

Лас разразился хохотом. Смотритель даже не улыбнулся.

— Узнаю тебя, Матвей. Нисколько не изменился. Слушай, здорово, что я тебя встретил. Ты до сколько работаешь?

— До семи вечера.

— Потом встретимся, о'кей? Разговор есть.

— Валяй здесь.

— Нет, я предпочитаю интимную обстановку. В хорошем смысле. Давай я дождусь тебя после работы.

— Давай, если прямо очень надо.

— Да, — сказал Лас. — Прямо очень надо.

Он еще раз окинул взглядом инсталляцию.

— Не понимаю я всего этого современного искусства. Вижу только камни и тряпки.

— Это действительно только камни и тряпки.

— Больше у вас ничего интересного нету?

— На втором этаже выставка художницы Полины Сейфи.

— Сейфи? — переспросил Лас.

— Да. Знаешь такую?

— Да нет... фамилия забавная. Ну, до встречи, не прощаюсь.

БИНОКЛИ

— **М**атвей Разин — страшный человек, — сказал Лас, посмеиваясь. — Уже заметил, да?

Я кивнул.

— Я его знаю с университетских времен. Он всегда был таким, — продолжал Лас. — На первый взгляд нормальный, но, если понаблюдать... есть в нем что-то невыносимо жуткое. Он обычно ни с кем не общается. Он словно вообще не здесь. Но если все-таки общается, то говорит странные вещи. И трудно понять: то ли Матвей очень тонко шутит, то ли у него в принципе нет чувства юмора. Это во-первых. А во-вторых, никогда не знаешь, какой фокус он выкинет. Сильнее всего он меня огорошил курсе на третьем...

Лас сделал паузу: дескать, сейчас будет интересная история. На Джулию это не подействовало: сидя вполоборота к нашему общему начальнику, она как ни в чем не бывало продолжала красить ногти синим лаком.

— У нашего факультета была команда КВН. — Ласа не смутило ее невнимание. — Угадайте, кто был капитаном и автором сценариев! Я уже тогда был во все дырки затычкой. Мы каждый семестр участвовали в институтских состоя-

заниях, но команда психологического факультета нас каждый раз уделывала. Серьезно, таких шуток, как у них, мне в жизни не придумать. И вот после очередного соревнования, когда мы снова заняли второе место, а они — первое, мы собрались обеими командами на чемпионскую вечеринку. Я тогда прямо спросил у их капитана: «Кто у вас такой остроумный?» — а он мне говорит: «Не у нас, а у вас. Парень с вашего факультета». Оказалось, это Матвей. Так я узнал, что чувство юмора у него все-таки есть. Хотя сомневался. Когда я в перерыве между парами, бывало, рассказывал анекдот, меня слушала вся группа, и все ржали, кроме него. Я специально смотрел на него. Слушает? Да. Смеется? Фиг там. Я, конечно, на следующий день после вечеринки первым делом припер его к стенке и спросил, почему он не пишет сценарии для нас. «А вы меня об этом просили?» — спросил он со своей обычной полупрезрительной рожей.

Лас опять замолчал, дав нам несколько секунд на подготовку к ударной концовке его истории.

— Вот. А позже я узнал, что психологи ему еще и платили за его сценарии. Пла-ти-ли! Так что он еще и дико ушлый. Тогда я взял курс на сближение с Матвеем. Интересно было, что он за человек. Так и не выяснил. Единственное, что я понял — от него всего можно ждать. Я случайно встретил его в Музее современного искусства. Предложил вечером пообщаться где-нибудь. Хотел пригласить его к нам в команду креативщиком. Был готов к тому, что придется его улаживать. Подготовился. Все аргументы перебрал, какие возможно. Вот мы встретились, и что оказалось? Что после нашей встречи он сразу же

пошел к своему начальству и написал заявление об увольнении! Я спрашиваю: «Как так?» — а он сказал, мол, чутье. То есть опять он меня переиграл.

Лас не любит, когда его переигрывают. Наверное, поэтому мы и сидели втроем в том кафе. Я чувствовал, что Лас что-то задумал. Но пока не знал что.

Наш коллега Матвей Разин, который почему-то любит, чтобы его называли просто У, конечно, странный. Но и Лас, если честно, не далеко от него ушел.

Есть такая теория, что где-то на Земле живут альтернативные люди. То ли на дне морском, то ли в каких-то неизвестных оазисах в Антарктиде, то ли на Земле Санникова. А может быть, даже где-то рядом с нами, просто мы их не видим. Они такие же, как мы, только технология у них чуть более развита. И живут они отдельно, по каким-то своим законам, и с нами никак не контактируют.

Именно об этом я вспомнил, когда прочел книгу Ласа Келласа «Сон без кальсон». Это какая-то альтернативная реальность, которая никак не соприкасается с моей.

За двадцать с небольшим лет можно же обзавестись неким мировоззрением? Например, таким: если девушка себя уважает, она никогда не пойдет на близость при первом свидании. И если мужчина ее уважает, то и не станет от нее этого требовать. А если она все-таки идет на это, то она — шалава. Без оговорок. Почему? Потому что трава зеленая, а дважды два — четыре.

Конечно, в моем родном городке есть такие барышни, которые никому не отказывают,

особенно если напоить — их знают поименно. И есть парни, которые специализируются на таких, только они рано или поздно с этим завязывают и женятся на порядочных.

Книжка Ласа Келласа описывает какой-то другой мир, в котором любую девушку можно развести на секс в день знакомства. И даже спаивать ее для этого необязательно. Познакомились, поговорили, и хоп — дело уже делается. Так не бывает. Ни у нас, ни в большом городе я такого не видел. Но если даже так можно, то возникает вопрос: зачем? Отец мне говорил, что в девушке должна быть тайна. Они с мамой встречались три года, первый год даже за ручку взяться боялись. И все самое интересное — только после свадьбы.

«Тайна? Что за бред! — сказал мне Лас и похлопал по плечу. — В девушке должен быть твой... ну ты понял». Как грубо!

Фиг бы я к нему пошел работать, если бы из-за кризиса не уволили из газеты. Казалось бы, Лас — взрослый человек, а до сих пор этой чепухой занимается, да еще и называет себя каким-то дурацким именем. Пора бы уже остепениться. Но с другой стороны... Нормальный мужик ведь — веселый, непьющий, обеспеченный, девушкам такие нравятся. Хотя, как по мне, так ничего особенного в нем нет. Но я и не девушка, чтобы судить о таком.

Кстати, с женщиной я его ни разу не видел. Я его вообще не видел вне офиса. Да и в офисе почти не видел. Обычно он приходит, приносит черновики новой книги и закрывается в кабинете, а я сижу и набираю его рукописи на компьютере. Лас пишет только от руки, в блок-

нотах, торопливым, слабо разборчивым почерком, с ошибками, за которые пятиклассника уже можно не жалеть. Я их, конечно, исправляю.

Когда я работаю, Джулия иногда смотрит мне через плечо. Однажды она поинтересовалась, что я думаю по поводу книги. Я ответил максимально честно.

— Напомни, ты из какого колхоза приехал? — усмехнулась она. Мне тут же расхотелось что-либо с ней обсуждать.

Джулия умеет осаживать. Но с Ласом она почему-то всегда ласковая, как кошка. Когда он приходит к нам, Джулия тут же садится подле него, а иногда даже к нему на колени, и мурлычет. Но я ни разу не видел, чтобы он ее целовал или что-то еще в этом духе. Так, бывает, дружески приобнимет или ущипнет за бочок, как будто в шутку. Вряд ли у них что-то серьезное. Может, они просто друзья. Я такое тоже видел.

Потом в офисе появился У. Спустя три дня Джулия сказала мне: «Одним предметом мебели стало больше». Это был ее единственный комментарий по поводу нового сотрудника.

Еще через два дня, в курилке, я сам попытался с ней заговорить про У.

— Да ничего я про него не думаю, — сказала Джулия, скривив губы. — Лузер какой-то, вроде тебя. И даже хуже. Ты еще можешь человеком стать, а в его случае медицина уже бессильна. И где только Лас его откопал?

У нее очень красивые губы. На нижней — шрам, будто губа слегка надорвана.

— Они вроде вместе учились...

— Учился он, а отдуваться нам!

— Почему отдуваться-то? Он вроде никого не трогает...

— Еще бы он трогал! Я вообще не хочу, чтобы он здесь находился. Мутный он какой-то...

У и впрямь никого не трогал. В начале рабочего дня заходил в офис, не глядя ни на кого, говорил стандартное «Доброе утро», затем усаживался за стол, открывал ноутбук, надевал огромные наушники и целый день с сосредоточенным видом что-то делал. Иногда пил чай. Иногда выходил в коридор размять ноги, обязательно блокируя ноутбук. Выражение лица У всегда было каким-то безразличным.

С его появлением в распорядке дня Джулии ничего не изменилось. Она по-прежнему долго болтала по телефону, мурлыкала с Ласом, подтрунивала надо мной. Но иногда задерживала взгляд на У, порой даже надолго, и во взгляде этом была досада. Я чувствовал, что ей очень хочется как-нибудь поддеть У. Страшно представить, что было бы, если бы этот человек все-таки попробовал с ней заговорить.

Но он не пробовал. Мы, в свою очередь, к нему тоже не лезли. Чего лезть, если человек работает. А для какого-нибудь нерабочего разговора не было тем. Да и побаивался я его, честно говоря.

Вчера, когда мы с Джулией стояли в курилке — пустой комнате с кафельными стенами, похожей на туалет или душевую, только без сантехники (ассоциации с газовой камерой возникли сами собой), — к нам подошла Лера из туристического агентства, что находилось на другом конце этажа.